

Денисов Г. В.

**Полевой
дневник**

12+

Геннадий Денисов
Полевой дневник

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Денисов Г. В.

Полевой дневник / Г. В. Денисов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Работа геолога-съемщика объединяет в себе и науку и производство. Здесь необходимо умение четко мыслить, иметь хорошее пространственное воображение, широко знать предмет изучения - геологическое строение района работ, иметь глубокие базовые знания, и все это при довольно существенных физических нагрузках во время проведения маршрутов в горно-таежной местности. А еще нужно любить свою работу. Описанные в книге эпизоды полевой жизни - это те яркие картинки, которые остались в моей памяти хаотично, может быть, разбросанные по разным полевым сезонам.

Содержание

О себе и своей профессии	5
1	7
2	9
3	10
4	11
5	15
6	17
7	19
8	20
9	22
10	24
11	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Посвящается моим товарищам, геологам-полевикам Аллах-Юньской экспедиции.

О себе и своей профессии

Излагать свои мысли на бумаге я начал довольно рано. Можно сказать, что я делал это всю жизнь, учитывая первые «пробы пера» еще в третьем или четвертом классе. То было наивное и трогательное желание мальчишки приобщиться к начинающемуся «космическому веку». Я перечитал в школьной и шахтной библиотеках все, что печаталось в рубрике «фантастика». Огромное количество прочитанного образовало у меня в голове невероятный научно-фантастический хаос. Я бредил полетами в космос, марсоходами, межпланетными станциями и т. д. и т. п. Тогда, в 70-х, казалось, что пройдет совсем немного времени, и мы все «рванем» осваивать ближние и дальние планеты, а полет на космическую станцию будет таким же обыденным делом, как поездка в колхоз на прополку свеклы. Так получилось, что рядом не оказалось человека, с которым можно было бы поделиться своими мечтами о покорении межзвездных пространств, и все, что варилось у меня в голове, начало выплескиваться на бумагу. С тех пор прошло уже пятьдесят лет, а полеты в космос остались такими же героическими поступками, как и в моем детстве. Правда, космонавтов, астронавтов, тайконавтов уже нельзя пересчитать по пальцам, и мы не помним их всех по именам, да еще в их ряды влились космические туристы – эдакие мешки, набитые долларами, в космических комбинезонах.

Полет в космос, увы, не стал повседневной обыденностью для простого человека, к коим я себя причисляю. Но романтика космических полетов постепенно переросла в романтику земных открытий. Я стал геологом. Геолог и романтик это практически слова синонимы. Я считаю себя счастливейшим человеком, которому выпало работать в горах Верхоянья – местах красивых своей дикостью, в смысле недоступности для деяний цивилизации, и откровенностью, в смысле природной простоты и, одновременно, гениальности.

Работа геолога-съемщика объединяет в себе и науку и производство. Здесь необходимо умение четко мыслить, иметь хорошее пространственное воображение, широко знать предмет изучения – геологическое строение района работ, иметь глубокие базовые знания, и все это при довольно существенных физических нагрузках во время проведения маршрутов в горно-таежной местности. Кроме этого, необходимо иметь навыки общения с животными, если средством передвижения являются лошади или олени, а если повезло больше и партия механизирована, то не мешает знать, где у вездехода двигатель, на чем он работает, и чем натяжной каток отличается от рядового.

Уметь обращаться с огнестрельным оружием – обязательное условие, в этом залог безопасности тебя и окружающих. Жизненно необходимо знать, как правильно перейти реку, связать плот, или подготовить лодку к сплаву. Необходимо быть психологом и уметь несколько месяцев поддерживать в небольшом и, зачастую, очень «разношерстном» коллективе не просто мир и порядок, но организовать в самых экстремальных природных условиях выполнение сложных производственных заданий. А если учесть, что этот коллектив практически оторван от внешнего мира, и в критической ситуации тебе смогут помочь, разве что советом по радиосвязи, то получается, что героизма на Земле не намного меньше, чем в Космосе. Плюс ко всему перечисленному, просто необходимо уметь писать. Вести ежедневное описание горных пород и, даст Бог, встреченных в маршруте рудных проявлений. Писать главы к геологическим отчетам, статьи в журналы, информационные записки и т. д.

Описанные в книге эпизоды полевой жизни – это те яркие картинки, которые остались в моей памяти хаотично, может быть, разбросанные по разным полевым сезонам. Но, абсолютно

точно то, что полевые воспоминания легли на бумагу только тогда, когда с полевыми работами было покончено, и романтика геологических будней осталась в прошлом. Вот тогда и началось.

Потребность писать возникает стихийно и в самом неожиданном месте: в аэропорту, на совещании, в машине. И преследует до тех пор, пока не откроешь ноутбук и не провалишься в те далекие события, которые так разбередили душу...

Г. Денисов

1

*Скоро стройные сосны
Сбросят с веток снега,
И как в прежние весны
Позовет нас тайга.*

А. Горбунов

Каждый новый полевой сезон – это начало нового этапа жизни. Новая территория, а значит и новая геология, новые рудные объекты, новый коллектив, новые люди, значит и новые взаимоотношения. Так получается, что с кем-то из геологов, работающих в нашей большой геологоразведочной экспедиции, уже «не один пуд полевой соли съеден», с кем-то хорошо знаком, но вместе не работали, а кого-то знаешь, в основном, по геологическим материалам, да в коридоре камералки: «привет-привет». Одно дело, когда в конторе за соседними столами сидишь и совсем другое, когда кашу хлебаешь из одного котелка. Так, это только геологи, а будут еще в новой партии и студенты, и рабочие. Каждый со своим характером, со своим мировоззрением, своими проблемами, от которых за брезентовой стенкой палатки не спрячешься и, сидя у костра, не отмахнешься. А с кем-то из них, тем, – который станет твоим маршрутным рабочим, придется провести большую часть времени и делить с ним (или с ней) не только кусок хлеба в маршруте, но и отвечать за жизнь этого человека. Все лето тебе в затылок будет кто-то дышать, и очень хочется, чтобы это был человек, который, случись что, не предаст, не бросит тебя помирать одного где-нибудь в тайге. Да, полевой сезон – это маленькая жизнь!

Так, или примерно так, я думал сидя на свежошкуренных лиственничных бревнах, пахнущих смолой и талым снегом, сваленных у наших геологических складов, на задворках базы снабжения Аллах-Юньской экспедиции. Все атрибуты предполевой подготовки были в наличии: огромное синее небо с сияющим апрельским солнцем, расквашенная колесами машин и гусеницами вездеходов складская территория, с черной грязью, перемешанной с опилками в центре двора и неопрятными подтаявшими сугробами под заборами, начальственно покрывающие завсклады и семенящие за ними попрошайки – начальники полевых партий. Инженеры-геологи, наравне со вновь принятыми работягами, как муравьи таскали ящики, мешки, канистры из основного склада в свои складские кладовки, расположенные здесь же, за главным зданием. На первых были вылинявшие прошлогодние штормовки, заботливо выстиранные и заштопанные женами к новому полю, а на вторых – новая, зеленая, еще с не разгладившимися складками спецодежда.

Снаряжение и продукты получали одновременно несколько полевых партий, каждая затаривала свой сарай, и каждый начальник старался договориться с завскладом насчет чего-нибудь дефицитного – сгущенки, конфет, маринованных огурцов-помидоров, ну или «чего у тебя там еще есть?». Хотя тут же, у дверей кладовок, какой-нибудь ящик вскрывался, коллеги угощались, снимая пробы с дефицитов, не забыв плеснуть в кружки «по-грамульке», и, воодушевленные, бежали дальше по своим хозяйственным делам, покрасневшись от свежего весеннего воздуха и принятого «на грудь» спиртного.

График выезда на полевые работы геологических подразделений был давно сверстан и согласован руководством экспедиции, но он постоянно срывался из-за отсутствия вертолета, плохой погоды, неготовности автотранспорта и еще многих причин, которые возникали из года в год, но которые предусмотреть все равно никто не мог. Поэтому начальники партий по-товарищески уступали друг другу очередь на получение продуктов и снаряжения, машину-«хозяйку», а то – рабочих и студентов. В общем, кто может вылететь по погоде раньше, тому и приоритет. Рабочих, уже устроившихся в нашу партию, теперь отправили к геохимикам, вылетающим

сегодня на Сунтар. Мужики суетились у синего бортового ГАЗона, бородатый начальник партии Миша Щербаков подгонял их не зло матерясь, закидывая в кузов последние кули. А над поселком уже разворачивался оранжевый МИ-8, грохоча турбинами и свистя лопастями.

Мы с Димой Баскаревым, молодым геологом, у которого нынешний полевой сезон только второй, сидели на бревнах, смотрели на суету коллег, отъезжающую от склада «хозяйку», яркую каплю вертолета, уходящего на посадку за поселок, и радовались, то ли тому, что геохимики улетают, то ли тому, что мы пока остаемся, то ли тому, что весна, тепло, и можно сидеть на этих шкуренных бревнах, а не в душной темной камералке, надоевшей за зиму. Димка – потомственный геолог, родился здесь же, в Хандыге, родители работают в экспедиции, да и пока учился в ВУЗе, на практики приезжал домой. Внешне – невысокий, худенький, в очках – типичный интеллигент. По характеру спокойный, работающий парень с хорошим чувством юмора. Думаю, мы сработаемся.

Геохимики, на «хозяйке», грохочущей бортами, умчались к вертолетной площадке, на четвертый километр Магаданской трассы. Коллектив Селляхской партии во главе с начальником, никогда не унывающим Виталей Хамантовым, суетился у дверей своих кладовок, перекидывая ящики и мешки. Оттуда время от времени раздавался дружный хохот. Да, умеет Виталий Иванович создать в партии легкую и непринужденную рабочую обстановку! Эстакада перед дверью, ведущей в склад, опустела, видимо, подошла наша очередь на получение продуктов и снаряжения, необходимых для проведения геологосъемочных работ.

Из двери конторы вышел начальник нашей партии, Сергей Леонидович Тарасьев – дядька серьезный, внешне даже мрачноватый. Греческие гены его пращуров выразились не только в крупном носе, украшавшем лицо, но и в прилипшем к нему прозвище – «Татарбей», которое, по словам наших экспедиционных шутников, было раньше приставкой к фамилии. Поскольку начальник старше меня лет на десять, а тем более, старше Димки, обращаемся мы к нему уважительно – «Леонидыч», а он и не возражает.

– Ну что, хлопцы, дуйте получать продукты, список я отдал Валентине Васильевне, смотрите не просчитайтесь, а то потом из своего кармана недостачу гасить будем! – напутствовал нас начальник.

– Я в контору, из отдела кадров позвонили, студентов нам дают.

– А девочек или мальчиков? – интересуется Димка.

– Кого дадут, с тем и будешь ходить.

– Леонидыч, мне жениться надо, попроси хоть одну девушку – улыбаясь, просит Дима.

Леонидыч смотрит на меня:

– Тебе тоже, девочку?

– Не, у меня жена молодая, мне семью кормить надо. Мне – студента, большого, сильного, и, желательно без мозгов. Лишь бы ходил быстро и проб таскал много!

– Студентов без мозгов быть не должно – изрекает начальник, явно думая о чем-то своем.

– Студент – он враг внутренний – добавляет Леонидыч явно вычитанную откуда-то фразу времен заката династии Романовых, многозначительно ткнув указательным пальцем в весеннее небо, и удаляется по направлению к конторе экспедиции.

Мы с Димкой бодренько побежали искать завсклада – Валентину Васильевну, почувствовав, что именно с сегодняшнего дня и начинается новый полевой сезон.

2

*Не разорвать невидимую нить
связавшую геологов и горы...*

А. Горбунов

Мощный армейский тягач с «кунгом» уверенно идет по руслу замерзшей реки. Закатное солнце слепит глаза. Оно разукрасило всевозможными оттенками розового цвета не только небо и снег, но и лес на островах, и прибрежные скалы. Совсем скоро серебристый солнечный диск утонет в багряных облаках на западе. Как только стемнело, начал срываться снежок. Натужно ревет мотор. Снежинки весело мельтешат в свете фар. В кабине темно, лишь зеленовато-фосфорный свет приборов время от времени притягивает к себе взгляд. Судя по показаниям спидометра, от последнего на нашем пути населенного пункта – поселка дорожников и оленеводов Тополиного, нас отделяет уже километров 250. Четверть тысячи километров сплошного бездорожья. Для других водителей это кошмар, а для наших экспедиционных «водил» – самая обычная и привычная работа. Мне кажется, они даже скучают на трассе. А вот когда «Урал» прет по белому руслу замерзшей реки, огибая острова, поросшие лиственницей, и в любой момент может влететь в трещину или наледь, вот тут-то на этих «волков бездорожья» интересно посмотреть. В глазах блеск, голос звенит, руки уверенно гоняют «баранку» вправо-влево – человек творит! А если все-таки влетел? Мама родная! Каких только выражений не наслушаешься. Тут уж начинаешь понимать, что наш «великий и могучий» не стоит на месте, он ежедневно подпитывается благодаря стараниям этой братвы.

«Коль, может, у устья Синьгами заночуем. Ты как, не устал?». Мой старый товарищ, водитель геофизической партии Коля – Дед, отвечает со смешинкой в голосе: «А нам, татарам, один фиг». В полутьме кабины я представляю, как Колька щурит свои серые глаза, а улыбка прячется в окладистой бороде. За нее он и получил кликуху – «Дед». Николай родом с Южного Урала, яицкий казак. Там и бороды положено носить и песни уметь петь. Сегодня, пока ехали по широкой долине Томпо, горланили с ним «Из-за острова, на стрежень...», а потом уже, от души, «Ой то не вечер, то не вечер, мне малым-мало спалось...».

В приустьевой части большого левого притока Делиньи, речки с певучим эвенским названием Синьгами, съехали с заснеженного русла на косу, ближе к лесу и коренному берегу. Снегопад закончился. Свет фар выхватил из снежного однообразия большой завал из стволов лиственниц, оставшихся на косе после весеннего половодья. Дед развернул машину «мордой» к верховьям долины, откуда «тянуло сквознячком». Это, чтобы выхлоп в кабину не задувало.

Поток свежего воздуха, перекатывающийся вдоль долины с верховий, уже по-весеннему влажный и пахучий. В нем угадывается и запах прошлогодней перепрелой листвы, и терпкий дух оживающих тальниковых почек, и аромат сухих луговых трав, и отогревающихся за день на мартовском солнышке прибрежных скал. Не знаю, что еще впитал в себя этот весенний воздух, но хочется вдыхать его и вдыхать полными легкими, прочищая их от зимнего кабинетного угара. В затишке завала соорудили костерок. Старый, закопченный на полевых кострах чайник, наполнив снегом, повесили на таган. Ужинаем в кабине машины, разложив домашние припасы над приборной доской. Банки, из продуктов, полученных «на поле», открывать не хочется, еще сезон впереди, наедемся тушенки. В эмалированные кружки плеснули помаленьку спирта. Разбавили водичкой из канистрочки – заранее залили, переезжая наледь. В кружках звенели льдинки, и непонятно от чего дух перехватывает – от спирта ли, от воды ли ледяной?

Яркий свет в кабине машины виден вдоль реки далеко-далеко. Белые горы, окружившие долину, своими вершинами подпирают черноту звездного неба. И только на самом севере, из-за кромки водораздела, начинают выплескиваться зеленые волны Северного Сияния...

3

*...И весны восторженные слезы
Заискрились в хрустале сосулек.*

А. Горбунов

Весна – это улыбка природы. В мае все насыщено звуками. Что-то шуршит, булькает, свистит и звенит. Тонкие языки ручейков слизывают с почерневших кочек сахарные хрусталики снега. Стрелы тальника зарозовели и гибко распрямившись, подставили солнцу набухшие комочки почек. Стволы лиственниц напитали янтарным соком ветви, взорвавшиеся нежно-зеленой хвоей. Теплый ветерок перекатывается по долинам, заигрывая с промерзшими за зиму скалами на склоне водораздела. Сладкий запах оттаивающей земли щекочет ноздри молодого лопухого лося, застывшего в зарослях тальника. Солнце щедро разливает золотое тепло, и его лучи искрятся на тонких льдинках в прозрачных окнах лужиц. Небо, огромное и бездонное синее небо, по заснеженным вершинам стекает в озера и реки. С хрустальным звоном осколки льдин осыпаются в воду. Утробно ухает оседающая наледь. Дробь дятла задорным эхом разносится по долине.

4

*А я —
как выжатый
лимон,
устал...
и на диван упал.
Устало ноги
Протянул,
Уснул...*

А. Кокин

Апрель выдался снежный. То хлопья валили «с десертную тарелку», то крупной шуршало по брезентовой крыше палатки, или мело так, что белого света не видно. На высокой речной террасе Сули-Дюна, где мы решили строить базу, сугробы выше колена, замучились дорожки протаптывать между палатками. Впрочем, строительству это не особо мешало, поскольку строевой лес рос прямо здесь, на террасе, таскать из далека не нужно – завалил листвяшку, сучья обрубил – и в дело. Несколько каркасов под шестиместные палатки мы построили довольно быстро – жить-то где то нужно. Потом построили баню – немного ниже по речке, около изгиба русла, в надежде, что там будет улово, и, распарившись в баньке, можно будет «занырнуть» в прохладную речную водицу.

Две недели без перерыва весь световой день жужжали мотопилы, ухали падающие деревья и стучали топоры на месте будущей геологической базы. Все это время мы дальше чем на 200–300 метров не отходили – и снег глубокий и работы много. Следы Уралов, на которых мы сюда добрались, уже давно засыпало снегом и занесло метелью – вокруг нехоженная тайга, заснеженная река, пасмурное небо да белый склон сопки за нашей террасой.

На майские распогодилось. Ночью облака куда то разбежались, под утро вызвездило, но не похолодало, как обычно. Волны теплого воздуха покатались с верховий Хунхады заполняя долины. Сугробы сразу как-то подсели и покрылись ледяной коркой. Солнце, выпрыгнув из-за хунхадинских водоразделов, обрушилось потоками тепла и света, отразилось радужным сиянием в каждой льдинке. Выбравшись из палатки можно было ослепнуть (и в прямом и переносном смысле) от великолепия этого утра.

Первомайский праздничный завтрак организовали на «свежем воздухе»: сколотив столешницу, установили ее на два пенька у бровки террасы, вместо стульев – чурочки, брезентовое автопокрывало заменило скатерть. Праздничный стол «ломился» от вкусовых: предварительно размоченная сухая картошка поджарена на масле, омлет из яичного порошка, сухого молока и говяжьей тушенки украшен зеленым горошком, банки консервированных огурцов и помидоров, румяные ландорики, а во главе стола – бутылка армянского коньяка.

Подняв тосты за «Мир, Труд, Май» долго сидели за столом, нежась на солнышке, вспоминая разные житейские истории и обговаривая планы на предстоящий полевой сезон. На какой-то момент разговоры иссякли и, вдруг, с низовой долины докатился странный звук – то ли эхо выстрела, то ли наледь ухнула. Места здесь безлюдные, до ближайшего населенного пункта километров 150, не меньше. Дорог нет никаких. Кто мог стрелять, если это вообще выстрел? Может олениводы? Но, по такому снегу куда пойдешь? Наст – олени не пойдут, ноги побьют. Стада стоят на месте. Может охотники? В общем, поселилось в душе какое-то беспокойство.

Покопавшись в огромной куче нашего полевого снаряжения, сваленного здесь же на берегу вперемешку с продуктами (склад-то еще не построили), я нашел новые охотничьи лыжи. Приладил к ним ременные крепления «под валенок», пропарафинил имеющимися свечками и решил все же сходить к устью Сули-Дюна «в разведку». Всего-то километров 7–8, судя по

карте. Компанию мне составить никто не мог, поскольку лыж – одна пара. Мужики разошлись по палаткам подремать «с устатку» – день то выходной. Закинув свою ведомственную одноствольную «ижевку» на плечо, я двинулся вниз по речке.

Несмотря на глубокий снег идти было легко, наст держал широкие лыжи почти не проваливаясь. Отойдя около километра от базы, которая только скрылась за поворотом, я снял телогрейку – тяжело и жарко – в КГЛке поверх свитера вполне комфортно. Вниз по долине русло ручья расширялось, горы отступали, и их не было видно из-за леса, которым поросли террасы. Склон левой террасы, с густым строевым лесом, круто обрывался в русло, а правая – невысокими уступами, покрытыми редким разнородным лесом уходила на юг.

Километра через три вышел на наледь. Ручей пропилил во льду глубокий извилистый каньон стены которого светились разного оттенка голубыми красками, а кристально чистая водная струя металась по вылизанному ложу ныряя в темные гроты и проскакивая под ледяными мостами. Со стен каньона с хрустальным звоном соскальзывали длинные ледяные кристаллы, копиями вонзались в поток, который шипя от злости уносил их по извилистому желобу. Вся поверхность ледяного поля была покрыта лужицами талой воды в которых отражалось голубое небо. Зрелище просто завораживающее. Сняв лыжи и закинув их на плечо, я пошел вдоль террасы по краю наледи, стараясь не попадать валенками в лужицы. Увы, несмотря на все мои старания к концу наледи ноги все равно были мокрые. Да, собственно говоря не только ноги, я весь был мокрый от пота, поскольку аккумуляировал на себе весь солнечный свет отраженный от чисто белой поверхности наледи. Пришлось снять и куртку и свитер, обвязав их вокруг талии рукавами. Ниже наледи идти становилось все тяжелее – наст уже не держал, лыжи проваливались в мягкий, водянистый снег и я начал задумываться, не повернуть ли обратно. Хотя уже и до устья не далеко, всего пару километров. Скальные обрывы левого борта Хунхады, расположенные как раз напротив устья Сули-Дюна хорошо просматривались, рыжая на белом фоне.

Остановившись отдохнуть, «перевести дыхание», я снял солнцезащитные очки для того, чтобы протереть их от пота, который заливал глаза. Без очков нельзя – через десять минут «поймаешь зайчиков» и ослепнешь! Оглядевшись по сторонам, обратил внимание, что на правой террасе темнеет на снегу какая-то полоса. Странно, что в очках ее не видно. Подойдя поближе, понял, что это след животного – оленя или лося. Пересекая долину метрах в двухстах впереди меня, след выходил на террасу. Судя по характеру следа животное бежало практически по прямой. Когда оно пасется – то и след другой: виляет, петляет, на месте топчется у кустиков тальника, а здесь явно было напугано и от кого-то убегало.

Я подошел к следу в том месте где животина подымалась на террасу. Это след сохатого – утолчки копыт четко отпечатались в глубоком влажном снегу. Судя по размеру следа – зверь крупный. Рядом со следом, пропитав снег, расплылись бледно-красные пятна.

Теперь все становилось понятным: звук который мы услышали в обед – это выстрел. Стреляли от устья вверх по долине, поэтому мы его и услышали. Стреляли из карабина, звук выстрела из ружья, а тем более мелкашки, вряд ли услышишь на таком расстоянии. Карабины есть у оленеводов и промысловых охотников. Охотник по любому бы пошел за добычей, а в долине других следов нет. Хотя может он пошел по террасе, но там снега много, да и идти по лесу не удобно. Странно все это!

Я снял лыжи и пошел за сохатым. Действительно, по террасе идти было тяжело, снега много – это еще полбеда, под снегом то ямы, то ветки – больше ползешь на четвереньках, чем идешь. На влажные валенки налипают снег. Свитер и куртку опять пришлось одеть. Лось уже не бежал, шел. Красных капель на снегу становилось все больше. Здесь он остановился, видимо прислушивался, есть ли за ним погоня, а может просто уже обессилел. Если так, то осталось не далеко. Метров через триста я его увидел. Сохатый лежал на боку в неглубокой ложбинке. Сняв ружье, я поменял дробь на картечь. Услышав щелчок закрывшегося ружья лось поднял

голову, посмотрел на меня и попытался встать. Под тем боком, на котором он лежал весь снег был пропитан кровью. Ну, что зверя мучить? Я поднял ствол и выстрелил в шею.

Разделять тушу не стал, да один бы и не смог, сохатый огромный, ни перевернуть его ни, тем более поднять. Только кишки выпустил, что бы не завонялись, кровь слил да сердце с печенью и почками достал. Пока возился с тушей, ожидал, может охотник подойдет, услышав выстрел. Но нет, так ни кто и не появился, хотя из двенадцатого калибра выстрел далеко слышно, ну уж на устье точно слышно, всего-то около километра.

Солнце уже клонилось к закату, когда я вытащил рюкзак с охотничьими трофеями на русло, где оставил лыжи. И хоть время поджимало, к устью Сули-Дюна я решил сбегать, посмотреть, кто же все таки стрелял?

Выйдя на русло Хунхады, которое огибая устьевую часть Сули-Дюна прижималось к обрывистому левому склону, я увидел четкий след двух оленьих упряжек с нартами.

Сзади к нартам были привязаны еще по паре оленей, их следы шли поверх нартового следа. Судя по следам, первая упряжка остановилась – рядом со следом полозьев человеческие следы. Но охотник от нарты даже не отошел, а вот олени потоптались, наверное, шаррахнулись от выстрела. Да вот и две карабинные гильзы – 7,62, – это СКС. Такие только у оленеводов. Вторая упряжка даже не остановилась.

Теперь стало все понятно – оленеводы, из стада стоящего в верховьях Хунхады, ездили в Тополиное, скорее всего за продуктами, нарты груженные, это видно по глубокому следу от полозьев. На обратном пути, тот кто ехал в первой нарте увидел лося объедавшего молодые побеги тальника, остановился и пару раз пальнул. Раненный лось побежал вверх по долине, гнаться за ним никто не собирался. Да если бы он и на месте упал, все равно мясо девать было некуда – нарты-то груженные. Ну, печень, сердце, язык может бы и забрали. А может и нет...

Яркий солнечный день сменился сумерками. По раскисшему снегу на лыжах идти уже было не возможно, и я их оставил перед наледью, воткнув вертикально в снег. Валенки пропитались насквозь и были облеплены мокрым снегом, впечатление такое будто к каждой ноге привязана пудовая гиря. Пока перешел наледь – полностью стемнело. Двигался я со скоростью примерно один километр в час. Начало подмораживать. Пропитанная потом куртка на морозе «взялась колом» и хрустела при каждом движении. Силы были на исходе, и я начал считать шаги – пройдя сто шагов падал на колени, отдыхал, опираясь на ружье вставал и тащился дальше. Сколько времени иду я уже не понимал, хотелось только одного – лечь отдохнуть. Впереди был еще один ориентир – оставленная телогрейка, вот дойду до нее, одену и – отдохну.

Взошедшая луна посеребрила долину. Черное пятно телогрейки на снегу увидел из далека, но дойти до нее никак не мог. Делать по сто шагов уже не хватало сил, шел сколько мог и валился на колени. К телогрейке подполз на четвереньках. Ног и рук не чувствовал, кое-как содрал с себя рюкзак, примерзший к куртке. Извалявшись в снегу, еле вставил руки в рукава теплой куртки, но застегнуть пуговицы не смог – пальцы одеревенели и не слушались совершенно. «Одевшись», пытался встать на ноги, но не получалось – колени подламывались и я падал лицом в жесткий подмерзший снег. Вдруг, совсем недалеко услышал негромкий крик – «Э-э-эй!». Я узнал голос Марата Сунчелеева, нашего молодого геолога. Он хоть и был рядом, но в темноте никак не мог понять, кто барахтается в снегу – человек или зверь, поэтому боялся подходить. Мужики, оказывается, уже несколько раз ходили меня встречать, и костер жгли и кричали, и из ракетницы стреляли. В общем, вовремя они всполошились, не знаю как бы добрался до базы без их помощи.

На удивление я ни чего не отморозил, только сильно устал. Впредь наука рассчитывать свои силы, особенно в начале сезона. Проспал почти сутки. Проснулся от рева вертолета, который садился на речку напротив базы. Бортом привезли горючку, снаряжение и овес. Мы накормили вертолетчиков жареным свежим мясом, вызвав не поддельные восторги нашими охот-

ничьими способностями. Этим рейсом Марат улетел в Хандыгу, а я остался достраивать базу. Весновка продолжалась.

5

*Ещё вернёшься ты в родные горы,
Ещё заварить дымный котелок,
В кругу друзей ещё продолжишь споры
О том, что сделал, а чего не смог.*

В. Сухоруков

Карабин был 1943-го года выпуска. Видимо, во время Великой Отечественной войны, именно с этого года наша армия начала массово снабжаться автоматическим оружием, а карабины отправлялись в резерв, куда-нибудь на армейские склады. Потом многие годы он пролежал на хранении в смазке, а теперь уже изрядно потрепанный, лежит у меня на коленях. Я сижу на нарах у себя в «балке», на базе полевой геологической партии, в трехстах километрах от ближайшего населенного пункта и рассматриваю свое «новое» штатное оружие. Конечно, я далеко не первый хозяин этого «ствола». Обшарпанный приклад, ствол с многочисленными царапинами, слегка подогнутая «мушка» прицела свидетельствуют о том, что он уже не первый год ходит «в поле». Предыдущий «хозяин» этого кавалерийского карабина, геолог с многолетним стажем, уволился и уехал «на материк» зимой, а я даже не успел расспросить его о достоинствах и недостатках оружия. Но, судя по уважительным рассказам коллег, мужик числился в категории «добытчиков».

В полевой жизни от оружия иногда очень многое зависит. Хотя, в основном, это моральный фактор, мол, вооружен, значит защищен. Увы, на практике чаще бывает наоборот. От неосторожного обращения с оружием одни проблемы. Особенно, это касается мелкого оружия: револьверов, пистолетов. И, особенно, когда оно находится в женских руках. Но, не будем о грустном. Мне-то карабин нужен не только для самообороны. Поэтому, пойду знакомиться с ним, то есть – пристреливать.

На пристрелку оружия в начале сезона по нормам, неизвестно когда и кем выдуманным, положено три патрона. При дальнейшем использовании оружия для защиты жизни (требования техники безопасности) и секретных материалов (требования спецчасти) стрелять не рекомендуется. Во всяком случае, отчитываться потом придется за каждый стреляный патрон. Зато всю зиму женщины, работающие в спецчасти, читают в объяснительных умопомрачительные истории о том, как геологам в поле приходится отбиваться от многочисленных стад медведей и как часто они ищут своих потерявшихся товарищей, стреляя в воздух. И это все ради того, чтобы списать десяток патронов, потраченных за сезон на охоту. Правда, проблема упрощается, если есть хотя бы одна лицензия на отстрел оленя или лося на «котловое питание». Тогда получается, что вся партия, загнавши бедного зверя в угол, расстреливала его часа полтора. Но, несмотря на все эти глупости со списанием, у всякого нормального геолога всегда есть заначка из одного-двух десятков «левых» патронов. Вот и я, обзаведшись в этом году карабином, поспрошал у товарищей, и насобирал пару подсумков патронов калибром 7,62, естественно с отдачей, ну, или «мясом угостишь».

Я зашел на продовольственный склад, вытряхнул остатки чая из фанерного ящика, представляющего собой куб с длиной грани 80 сантиметров, и отнес его на речную косу перед полевой базой. На одной из сторон ящика угольком нарисовал прицельный круг с черным пятном, размером с чайное блюдце, посередине. Отсчитал от цели триста шагов. Притащил бревно валежника для упора при стрельбе. Положил на бревно, рядом с собой, полевой бинокль, чтобы не бегать после каждого выстрела к ящику, проверяя, куда попал – в круг либо в «молоко». Можно начинать.

Первые три выстрела уже насторожили: пристально рассматривая ящик в бинокль, я не смог найти в нем пробоин. Решив, что дырочки от пули могут быть очень маленькие, пошел изучать мишень вплотную. Увы! Пришлось сокращать расстояние до цели – на десять шагов, потом еще на десять шагов... Первая пуля попала в ящик, когда до него осталось семнадцать шагов! Я был обескуражен. Потом, посидев на бревне, покурив и успокоившись, понял: брать нужно мастерством и умением. С трехсот метров и дурак кого хочешь грохнет, а вот попробуй на семнадцать метров к зверю подобраться! В конце-концов, это же охота, а не расстрел.

6

*Ночи у костра, сырость в сапогах,
Летний снегопад – льдинкой на зубах.
Мы уйдем домой – в утренней росе,
Может быть поздней, может быть не все.
Памятью о нас остается здесь
Пепел от костра на речной косе...*

В. Ольховик

Место для стоянки мы выбрали посреди широкой безлесной долины в верховьях речки Нолучи. Здесь, после плавной излучины с узкими, серповидными галечными косами, русло делало крутой поворот, и, подмывая борг террасы, вода закручивалась в омуте. Сама терраса – сухая и ровная, поросшая невысокой жесткой травой, была идеальным местом для стоянки. Водитель поставил вездеход так, чтобы удобнее было его разгрузить: бортом вровень с бровкой террасы. Ребята шустро выбросили необходимый бутор из кузова и занялись каждый своим делом – кто ставил палатку, кто прилаживал таган. Я взял ведра и пошел к речке, чтобы набрать воды и поставить чай да варево на обед.

Полевой сезон еще только начинается, коллектив нашего отряда в таком составе собрался впервые и, хотя люди еще не «притерлись» друг к другу, пока все идет нормально, дружно да весело, с шутками да прибаутками. Самый молодой – Серега, в этом году окончил школу, родители уговорили начальника взять его в поле, чтобы летом без толку по поселку не болтался и не влип в какое нехорошее дело. Славный парень, работающий, безотказный, легок на подъем, но матершильник. Будем отучать. Самый старший в партии – Эдуард Иванович, доктор геолого-минералогических наук из Питерского института – кладезь мудрости и оптимизма, мастер на все руки, удивительный рассказчик. Кроме десятка монографий да сотен статей по геологии, умудрился издать еще и несколько поэтических сборников. При этом помнит свои стихи и на любом застолье удивительно к месту их декламирует. Но, подвержен... Ладно, об этом не будем, в поле «сухой закон». Есть у нас и москвич – научный сотрудник, кандидат геолого-минералогических наук. Но и москвичом, и «научником» он стал совсем недавно, а до этого Виктор лет двадцать отпахал на Кавказе геологом, так что новичком в нашем деле его никак не назовешь. Еще один геолог, Николай Кириллович – наш, доморощенный, хандыгский. За плечами тоже более двадцати полевых сезонов: Южное Верхоянье, Сетгэ-Дабан, Сунтар, теперь вот на границе Западного и Восточного Верхоянья – картосоставительские работы. Водителя нашего вездехода тоже зовут Витя. Единственный из нас действительно «местный кадр» – эвен по национальности, он родился и вырос в поселке Тополиное – центре оленеводческого хозяйства. После службы в армии Виктор приехал домой и устроился работать вездеходчиком. Ездил по тайге, доставляя в кочующие за стадами оленеводческие бригады продукты, запчасти, топливо. Умелый, шустрый парень приглянулся руководству – пересадили на директорский вездеход. Но, здесь не заладилось – властный директор любил беспрекословное подчинение, а вольная жизнь в тайге приучила Виктора думать и делать не так как кому-то хочется, а как необходимо в данных условиях. Короче, «нашла коса на камень». Зато, у нас в коллективе теперь есть опытный таежник, хорошо знающий технику специалист. Студенты в составе партии появились буквально перед самым вылетом в поле. Оба высокие и худые, они много ели и много спали. Преддипломники из киевского техникума приехали посмотреть Якутию, «хлебнуть романтики». Ну что же, это не плохо. Самое главное, что не лентяи – чего не попросишь сделать, аж бегом.

Прозрачные струи воды играли солнечными лучами, расцветивая дно ручья замысловатыми узорами. Взбитая на перекате пена белыми кружевами заплеталась на зеркальной поверхности омута. Осторожно, стараясь чтобы копыт с внешней стороны не попала в ведро, я зачерпнул воды и пошел, было, обратно к костру, но... Краем глаза что-то уловил. Имея, мягко говоря, не очень острое зрение, тем не менее, малейшее движение даже довольно далекого объекта я фиксировал мгновенно. Особенно, если этот объект был рогатым! Находился олень метрах в трехстах вверх по ручью и, похоже, спокойно пощипывал травку. Слабый ветерок тянул от оленя вниз и нас он еще не унюхал, а со зрением, видимо, проблем у рогатого не меньше чем у меня. Я присел, спрятавшись за край террасы, и на «полусогнутых» – к стоянке. Мой сдавленный полукрик-полушепот: «Олень!!!» сразу прервал череду обычных занятий. Буквально через две минуты мы приступили к операции по реализации лицензии на котловое питание – добыче мяса. Витя-москвич с карабином наперевес помчался вдоль склона долины отрезать оленю пути отступления на правый борт. Кириллыч с двустволкой пополз вдоль бровки террасы навстречу зверю, а я, где ползком, где на четвереньках, прячась за неровностями рельефа двинулся к противоположному склону. Даже миролюбивый Эдуард Иванович, поддавшись общему ажиотажу, вооружился револьвером типа «Наган» выпуска 1913 года и остался в обороне. Понятное дело, олень не мог не заметить столь масштабных перемещений. Он поднял голову, внимательно осмотрел разворачивающуюся перед ним боевую операцию и рванул прямехонько к нашей стоянке. Времени на размышление не было, я понял, что еще несколько секунд и нам придется стрелять друг в друга, если олень и стрелки окажутся на одной линии. Слава Богу, это поняли все охотники и все три выстрела прозвучали почти одновременно. Дело было сделано и радостные вопли прокатились по долине, распугивая оставшееся в живых зверье.

Разделать тушу, засолить мякоть, спрятать кости от вездесущих мух, растянуть шкуру для просушки – на это ушел весь остаток дня. Ничего не должно пропасть или испортиться, иначе смерть зверя – это грех охотника. Суэта закончилась, когда солнце уже катилось по пологим гребням невысоких нолучинских водоразделов. Большой костер, жарко обнимая бока ведер, слизывал выплескивающееся из-под крышек запашистое мясное варево. На тонких тальниковых прутиках прел над чуть розоватыми углями шашлык из сердца, почек, печени. От запахов можно было сойти с ума. Начинался пир живота.

Ели долго и с удовольствием. Рассказывали байки об охоте и рыбалке или просто случаи из полевой жизни, хохотали до коликов в животе. У каждого из геологов за плечами годы и годы полевых воспоминаний. Студенты слушали все с широко раскрытыми глазами и не знали, чему верить, чему нет, но при этом не забывали жевать. Солнце закатилось за водораздел, и приполярные сумерки размыли очертания долины. На бледно-голубом ночном небе робко засветились редкие звезды. В костре постреливали лиственничные ветки, и искры, выпрыгивая из жара костра, пытались долететь до звезд, но таяли и растворялись в дрожащем мареве светлой летней ночи. От переизбытка позитивных чувств, опьяневшие от вкусной и обильной еды мы плясали вокруг костра, обнявшись за плечи, что-то пели на русском, якутском, эвенском, татарском, украинском языках. То был танец дружбы народов. Дружбы, в самом простом человеческом понимании этого слова!

7

*Целый день солнце в небе пылает,
Всем нам дарит для жизни тепло...*

С. Прачев

Солнце, едва закатившись за вершины водоразделов и подрумянив на закате облака, спешит вновь влезть на свой царский трон в зените. Оно, как и всякий великий владыка, щедро до беспощадности. Уже с утра знойное марево колыхается над горами. Все живое – деревья, цветы, трава, зверье, застыв от удовольствия, нежатся в царстве утреннего тепла и света. С жужжанием воздух пронзают пчелы, упорный шмель что-то рассказывает на ушко цветку шиповника. Разноголосье птиц наполняет террасовые перелески. В тени густой лиственницы звенит комариный рой. Волны ручья облизывают теплую гальку кос.

Ближе к полудню жара загоняет живность в тень или в прохладный ручей. Олень полностью погрузился в омут: над поверхностью воды только голова с кустистыми рогами. Притих птичий гомон – в вышине грациозно парит хищник, уверенный в своей силе и власти, ведь выше него – только Солнце. Каменистые склоны пыщут жаром. Белый ягель, подставив палящим лучам ломкие, сухие веточки, прикрыл своим телом льдистые недра. Он посмел ограничить власть Солнца, храня холод Земли. А в остальном, лето полноправно властвует над Верхоянием, щедро обогревая мир гор.

8

*На солнце днями жаримся,
И мокнем под дождем,
Мы терпим все лишения,
Но верою живем,
Что где-нибудь, когда-нибудь
Чего-нибудь найдем.*

В. Шабашев

Семь утра. Солнце, практически не заходящее за горизонт в июле, нещадно плавит Верхоянье. Это чувствуется даже через брезент палатки. Одуревший от жары, я выползаю из спальника и бреду к ручью. Бросаю взгляд на студенческую палатку, там никаких шевелений. Быстро стягиваю с себя спортивные брюки и трусы, и просто падаю в небольшой омут на повороте ручья. У-у-у. Водичка в горном ручейке, не прогревающаяся даже в июле более чем до 14 градусов, выталкивает меня обратно даже быстрее, чем я в нее погрузился. Вот теперь жизненный тонус пришел в норму, можно жить и творить на благо... Кого? Трудно сказать, но это потом, а сейчас... Пинок по растяжке палатки – Серега, подъем, ставь чайник. «Солнце встало выше ели, а бичи еще не ели» – утренний пароль для пробудки поваренка. Сережа, такой же одуревший от палаточной жары, как и я – несколько минут назад, выползает из шестиместки и босиком шлепает в кусты.

– Шустрее, шустрее – у нас подходы сегодня по десять км, до полуночи будем шараться по твоей воле.

Услышав обычный утренний диалог, из-под полога палатки появляется Сергей Леонидович. Почесав бороду, смотрит в небо:

– Ну, блин, погодка, миллион на миллион, сегодня пахота по полной программе. Согласен? – и смотрит на меня, как будто я могу сказать, что не согласен.

– Давай карту неси, собьемся, а то сегодня опять притащишься в два часа ночи. Ночной съемщик.

Непонятно, говорит он это, осуждая мои длинные маршруты или поощряя. Доставая карту из пикетажной планшетки, пытаюсь возражать:

– Сам же рисуешь маршруты от «моря до моря», следи за карандашом, когда по карте водишь!

Леонидыч невозмутим:

– А ты со Светкой меньше трепись, будешь вовремя приходить.

Светка – это мой маршрутный рабочий-радиометрист, студентка-преддипломница из Московского геологоразведочного техникума. Легка на помине, появляется из палатки. Копна всклокоченных рыжих волос практически закрывает опухшее от комариных укусов, заспанное лицо.

– Сергей Леонидович, а может сегодня того...? – но, видя непреклонное лицо начальника, не договаривает. Берет пакетик со своими гигиеническими «причандалами» и топает к ручью на водные процедуры, по пути подхватывая не мытый с вечера котелок с остатками пригоревшей каши. Чистюля, если бы не она, посуда была бы просто грязная. Тут на поваренка даже грозного Леонидыча не хватает. Быстренько завтракаем. Жара уже не шуточная, даже в тени разлапистых листьяшек мозги начинают «плавиться». С грустью смотрю на крутые осыпные склоны водораздела, над которыми дрожит знойное море. Ну и денек предстоит, кошмар и ужас, но отступать некуда. Отдыхать будем под дождиком. С трудом отгоняю от себя сладостное воспоминание о шелесте дождевых капель по крыше палатки.

Так: ремешок планшетки на левое плечо, рюкзачные лямки на оба плеча, карабин – на правое. Чехол компаса на ремне на левом боку, нож в ножнах на правом, подсумок с карабинными патронами на... ну, он все равно туда сползет.

– Свет, пожрать побольше возьми, сегодня шеф сказал, пашем «по полной», слышала?.

Света обречено запикивает в рюкзак продукты, рассыпает по жестяным баночкам из-под кофе чайную заварку, сахар, соль.

– Тушенки сколько брать, две или три?

– Одну, рыбачить на обеде будем, нечего железо по тайге таскать!

Девушка улыбается в первый раз за утро. Значит, обед будет на ручье и можно будет смыть с себя липкий и едкий пот после «прогулки» по раскаленному водоразделу, одному из тысяч, слагающих Адычанское плоскогорье. Ну, плоскогорье-то оно чисто в географическом понятии, а когда заползаешь на него на четвереньках, как-то забываешь, что оно «плоско», чувствуешь только «горье».

– Светка! Ну, чего возишься, радиометр поверила?

В ответ – бодрое:

– Восемнадцать микрорентген в час.

– Ну, молодца, тогда вперед!

9

*И опять затопляла мир
в адской пляске кружилась, вертелась
Непроглядная вглубь и ширь
Бесконечная мрачная серость.*

А. Горбунов

О капризах погоды в горах сказано-пересказано. Верхоянье не является исключением в этом параде метеонеожиданностей. Особенно непредсказуема погода на стыке летних месяцев. В течение двух-трех дней жара сменяется дождями, переходящими в снег и снова – к пеклу. Иногда этот цикл сжимается по времени до суток, а иногда и до нескольких часов. От «истерик» погоды в маршруте спасают свитер, пара запасных портянок и кусок полиэтиленовой пленки, которые всегда находятся в рюкзаке, вне зависимости от степени облачности и температуры.

Самое неприятное, когда непогода застает тебя на водоразделе. Как бы не кутался в полиэтилен, ветер все равно раздергает нехитрую защиту, и будешь ты сидеть мокрый, продрогший и злой, проклиная все на свете, пока не спустишься в долину. А если облако хорошо зацепилось за вершины, то еще и спуститься – проблема. Тут надежда только на компас и умение ориентироваться в этом «молоке» по карте, вглядываясь сквозь разрывы тумана в очертания окружающих гор. Внизу же, в долине, даже под дождем, всегда можно устроиться более или менее комфортно. И под самой промокшей лиственницей не составит большого труда найти несколько тонких, сухих веточек, настругать из них «петушков» и разжечь огонь. Ветки потолще, даже изрядно промокшие, подхватят тонкий язычок пламени и костерок, сначала дыма и потрескивая от влаги, разгорится, радуя тело теплом, а душу – уютом. Теперь можно поудобнее устроиться на рюкзаке, даже и мокрым – прогреется от того места, которым сидишь, отвернуть голенища болотных сапог, укрыться пленкой и камералить, камералить, камералить. Через какое-то время строчки в пикетажке начинают сливаться в единую картину виденных за маршрут обнажений коренных пород и... просыпаешься, уткнувшись носом в колени. Капли дождя монотонно шуршат по пленке и «камеральная» обработка материалов продолжается до полной победы над непогодой. Если же непогода затягивается безобразно долго и смысла переждать ее нет, то сбрасываешь с себя полиэтиленовую защиту, запикиваешь в рюкзак сырые пожитки и «шлепаешь» к стоянке, не обращая внимания на струйки влаги, змеящиеся по шее, спине и т. д.

Но, и переживание непогоды в долине может иметь свои негативные стороны. Опасность небольших долин заключается в непредсказуемости поведения водотока. Иной раз, ручей долго, до суток, может копить в себе ярость горного потока, а уж потом выплеснуть ее с ревом, стоном и диким воем. Иногда же, вода подымается мгновенно, практически с первыми каплями дождя. В таком случае ожидать прекращения непогоды не стоит, «ноги в руки» и двигай к стоянке, чем быстрее, тем лучше, при этом, не забывая прислушиваться: не грохочет ли позади чего? Самый страшный вариант – это если где-то, вверх по долине, водоток чем-то подпрудило, и он до поры до времени не может вырваться из ловушки. Копит, копит свой смертельный потенциал, а потом как рванет! Грязь, стволы деревьев, камни – все перемешано в несущемся со скоростью курьерского поезда потоке. Тут уж выход только один – убегай куда повыше, на террасу ли, на склон, на дерево залазь, но только очень быстро. Иначе – беда!

Промокший и уставший приходишь на стоянку, а в палатке тепло и сухо. Стаскиваешь с себя мокрую робу, пристраиваешь ее над печуркой среди уже начинающей подсыхать одежды товарищей. Из сапог вытаскиваешь стельки, их за печку, на дрова – завтра разберемся, где

чи. Переодевшись в сухую одежду, за кружкой горячего чая со сгущенкой, можно и новости прошедшего дня обсудить. Старенький VEF-212, лежащий на спальнике начальника партии, в углу палатки, сквозь треск радиопомех расскажет о событиях происходящих в далеком отсюда «цивилизованном» мире. А вот и сигналы точного времени – пора на связь. Антенна – кусок проволоки, по длине кратный длине волны, на которой работает наша радиостанция «Карат» – заброшена на лиственницу, стоящую за палаткой. Вообще-то, антенна предназначена для рации, но почему-то постоянно переключивается на радиоприемник, существенно улучшая качество его приема. Поэтому, включив рацию и услышав лишь леденящий душу вой эфира, Сергей Леонидович, тихонько матерясь, скручивает фишку антенны с радиоприемника и прикручивает ее к рации. И сразу же, эфир взрывается воплями «Топазов», «Галенитов», «Альбитов», «Иголок», «Шеелитов» и иных позывных полевых радиостанций. Но нас, похоже, никто не слышит, хотя голос Леонида разносится и без радиоусиления верст на пять. Противовес – такой же кусок проволоки «звонковки» как и антенна – должен быть направлен в сторону потребителя, т. е. того, с кем ты пытаешься поговорить. Он натягивается в метре над землей и мешает всем передвигаться по территории стоянки. Поэтому, всегда найдется умник, который отвяжет конец противовеса от куста или дерева и бросит на землю. Это резко ухудшает качество связи, особенно на передачу. Понимая в чем дело, начальник, громко выражая эмоции междометиями, заменяющими маты, выскакивает под дождь – натягивать противовес. Ну вот, теперь двусторонняя связь с внешним миром установлена. Общаясь с соседями, узнаем новости полевого «геологического мира». Погоды нет, облачностью закрыт весь северо-восток страны. Геохимикам нужен борт для переброски на новый участок работ, у Щербакова «крякнул» вездеход, спрашивает, нет ли у кого правого балансира заднего натяжного катка. Все как всегда. Жизнь идет. Похоже, завтра опять погоды не будет. Ну и, слава Богу, отоспимся. Всем до завтра, «Альбит седьмой» связь закончил. А по брезентовой крыше палатки шуршат капли дождя.

10

*Отогреет тело вместе с душой
Этот ласковый костер не большой,
Он душистый приготовит мне чай,
На рассвете улыбнется: Прощай!*

С. Прачев

Туучак в нижней части долины – ручей как ручей – склоны крутые, осыпные, кое-где скалки торчат. Русло почти прямое, вдоль него неширокие галечно-щебнистые косы. У основания склонов, в основном на плавных поворотах долины, встречаются невысокие надпойменные террасы, поросшие лиственницей. Условия для шлихового опробования почти идеальные. Правда, шлик минералогически «бедный» и не интересный: рутил, циркон, кварц, немного ильменитика – все как обычно, ни малейших признаков золотоносности. Зато все получается быстро: отмыл пробу, слил в пакетик, задокументировал, глянул на карту, определился с привязкой следующей точки опробования и побежал. По пути «донку гребанул», в рюкзак закинул и дальше, дальше, все практически на «автомате». И так до обеда. Ну, а обед – это святое: место должно быть такое, чтобы душа пела. Широкое, открытое, чтобы комариков сдувало, чтобы дрова не далеко – либо сухостой на террасе, либо сухой завал на косе. Ну и уж совсем хорошо, если под терраской омут, а в нем хайрюзки гуляют... Но, увы, действительность оказалась гораздо прозаичней.

Естественно, на топографической карте было видно, что верхняя часть долины выложена и очень широкая. Когда-то, здесь прогулялся ледник и «выпахал» долину. Но то, во что превратилась долина этого, в общем-то, приличного водотока в современную эпоху, не выдерживало никакой критики. Склоны расступились, образовав цирк, с плоско-холмистым рельефом в центральной части, постепенно переходящим в террасоувалы по периферии. Четко выраженного русла не было и в помине. Водоток сначала раздробился на несколько рукавов, а потом и вовсе пропал в каких-то болотцах. И склоны долины, и ее днище густо поросли лиственницей, причем вся она крученая-перекрученная и имеет вид чахлый и какой-то убогий, чего не скажешь о кустах кедрового стланика. Он отвоевал для жизни вершины и склоны невысоких холмов, поднимающихся над болотистой равниной. Мощные лапы стланика вздымаются ввысь на 3–5 метров и причудливо переплетаются между собой. Пройти здесь нет никакой возможности, даже усердно работая топором. Оставшееся жизненное пространство заняла тальниковая поросль. Все понижения в рельефе, кроме заболоченных, поросли тонкими хлыстами тальника. В общем, любое передвижение по этой экзотической местности иначе как словом «продираться» не назовешь.

На свою беду, в последней шлиховой пробе, отобранной из небольшого намыва щебнисто-галечно-глинистого материала в промоине террасы, я отмыл значок золота. И значочек то небольшой – 0,2–0,3 мм, окатанный, но он есть, и приволокло его из этой котловины. Конечно, это может быть и «ледниковое» золото, принесенное сюда черт знает откуда, а может и нет. Это нужно выяснить, а выяснить это можно только одним способом: тупо исползав всю эту болотину и промыв в лотке все, что можно промыть. Этим я и должен заняться в силу своих профессионально-геологических обязанностей. Но, увы, день заканчивается, и передо мной стоит дилемма – либо бегом домой, на стоянку, а завтра снова сюда, либо – ночевать, а завтра с утра приняться за работу и, даст Бог, за день разделаться с этой проблемой. Естественно, бегать туда-сюда по 7–8 километров по ручью, хоть и вполне проходимому, мне совершенно «не улыбается», а для ночевки с собой есть все необходимое. Да и продуктов взял с запасом. В

общем, решаю ночевать. Только, вот вопрос – где ночевать? Поскольку местность одинаково унылая и выбирать просто не из чего, решаю устроить ночевку там, где и стою.

В подножье пологого холма между мощными ветками стланика белеет мхом маленькая полянка. Я снял рюкзак и карабин, аккуратно положил поверх рюкзака лоток со скребком и планшетку. Геологическим молотком с длинной ручкой разгреб мох до почвы – здесь будет костер. Из тонкой листовенницы соорудил таган, предварительно остругав ножом ее комель, а вершинку придавив выворотнем. С сухими стланиковыми веточками проблем нет, и вскоре костер занялся, хлестнув жаркими языками почти прозрачного пламени закопченный котелок. Как только разгорелся костер, вокруг стало темнее. Я занялся подготовкой спального места. Наломал стланикового лапника и положил поверх моховой подушки, сверху расстелил геологическую куртку. Пока занимался приготовлением лежбища, закипела вода в котелке, пусть покипит, меньше болотом вонять будет. Около костра, на сухом стволе давно поваленной листовенницы, раскладываю пробные мешочки с донкой – подсохнут, можно и просеять, все меньше груза завтра в рюкзаке таскать. Снял сапоги, вынул из них войлочные стельки и аккуратно поставил их у того же ствола листовяшки, но подальше от огня, за ночь высохнут. Сапоги-болотники, отвернув закатанные голенища, перевернув подошвами кверху, надел на торчащие отростки сухого выворотня. Ну, вроде, управился, теперь можно и перекусить. Веточкой отгреб из костра мелкие угли и поставил в них банку открытой говяжьей тушенки. В пробном мешочке есть отличные сухари. Их делает наш рабочий по базе – Лев Семенович. К возвращению геологов из заходов на базу Лева печет хлеб, чтобы его хватило на дни отдыха и подготовки к новому заходу. А между нашими посещениями базы, оставаясь один, он печет хлеб, «чтобы не потерять квалификацию» и сушит из него сухари. Поэтому, в первые дни наших походов наслаждаемся хлебом, а через некоторое время переходим на сухари.

В другом пробном мешочке есть несколько кусков вяленой оленины, но я ее лучше приберегу на завтра, может еще целый день придется по этой «амазонии» ползать, а запас «карман не тянет». Снимаю котелок с костра крючком из тальниковой веточки, завариваю, добавляю немного сухой душицы и ставлю настояться, прикрыв чистым байковым пробным мешочком, удивительно легкомысленной пестрой расцветки. Ужиная, люблюсь четкими очертаниями черных водоразделов на фоне заката. Солнце прячется за Верхоянскими хребтами, окрашивая в розовый цвет длинные перистые облака, которые похожи на хвост гигантского павлина, сидящего где-то за горами. Это к дождю. Вытаскиваю из рюкзака кусок полиэтиленовой пленки и растягиваю над лежбищем, привязывая к веткам стланика. Ну, что же, можно и вздремнуть. Натягиваю на себя свитер, предварительно повисевший у костра и вобравший его тепло, обматываю ноги запасными чистыми и мягкими шерстяными портянками. Поудобнее устроившись на стланиковом лапнике смотрю как тают в небе искры костра. И я вместе с искрами падаю в это розовое марево...

Просыпаюсь от шороха в гуще стланика. Еще не сообразив что к чему, понимаю, что у меня в руках карабин. Звуки приближаются ко мне, остатки сна улетучились, и я весь-внимание. Догорающий костер изредка выхватывает из серости летней ночи какие-то тени. Шорох затаился за выворотнем, сердце бухает так, что вздрагивают руки. Медленно подымаю ствол карабина... Фу ты, черт! На ствол лежащей листовенницы, аккурат около стелек от сапог, выскакивает бурундучок. Ну, напугал, зверюга. Он вытягивает мордочку по направлению к костру и замирает. В черных бусинках глаз отражаются сполохи огня. Я не шевелюсь, но, видимо, такое обилие незнакомых запахов его пугает, и, сделав несколько прыжков по стволу листовенницы, зверек пропадает в ночи. Я ругаюсь – маленький-маленький, а шуму – как от медведя. Ну вот, нехстати вспомнил. Теперь не уснешь, при каждом звуке медведи будут мерещиться. Ложусь в обнимку с карабином и прислушиваюсь к звукам ночного леса.

Воздух, прогретый за день на осыпных склонах, струится вверх по долине. Он доносит шум ручья на перекатах, шелест тальниковых листьев, и еще какие-то звуки, издавае-

мые горами, происхождение которых не понятно, но которые можно услышать лишь ночью, у костра, в одиночестве.

Я просыпаюсь как только первый солнечный луч, выглянув из-за водораздела, позолотил вершинки веток стланика. Впереди тяжелый полевой рабочий день. А, может, он принесет удачу. Этого так хочется...

11

*...А в тайге, все привычки нарушив,
Подвергая проверке судьбу,
Ты причудливой сеткой маршрутов
Ловишь хитрой удачи звезду...*

В. Кузнецов

Камералка на базе в устье ручья Барыкчан заканчивалась. Отъевшись и отоспавшись после первого захода, мы привели в порядок свои полевые книжки, журналы, «сбили» рабочие материалы на геологических картах. Это время приятно ежедневными банями, пахучим хлебом с хрустящей корочкой к обеду, стиранными порошком до белоснежного состояния и высушенными вкладышами в спальники. На четыре дня, а они на наше счастье выдались солнечными и теплыми, наш геологический народ переоделся в рубашки и джинсы, а студентки щеголяли в шортиках и разноцветных майках. На бельевых веревках по всей базе болтались стираные робы, чехлы от спальников, а на колышках сушились стертые в маршрутах болотники с отвернутыми голенищами. Из транзисторов в домиках доносилась музыка и состояние заслуженного «расслабона» витало над базой, перемешиваясь с запахом свежесдобитого хлеба и цветущего багульника.

Но все хорошее, к сожалению, быстро заканчивается. И вот связка из пяти лошадей, позвякивая боталами, уходит на север по тропе вдоль Юге-Саха. Кони завьюченные палатками, печками, продуктами в такт шагам покачивая головами «гупают» подкованными копытами по лесной тропе. Связка обреченно тащится за передовой лошадей на которой восседает каюр дядя Федя, подгоняя ее тычками каблуков в округлые бока. Не хотят лошадики уходить от разнотравья вольных выпасов долины Юге-Саха в каменные лабиринты верховий реки. Но работа есть работа.

Мы уже «расходились» за первый заход, а отдых на базе позволил восстановить силы. Идти по набитой зверьем тропе легко. Я, Димка и Чекуренок идем впереди связки, а за нею гуськом выстроилось бодрое студенчество. Сергей Леонидович замыкает шествие, контролируя общий процесс движения личного состава партии. Идя на 300–400 метров впереди мы разведываем дорогу и определяем как удобнее пройти лошадям. На участках где тропа либо ветвилась в густом мелколесье – «чепыжнике», либо ныряла в болото, кто-то один остается, поджидая связку и показывая каюру место обхода.

Километрах в 20 от базы, немного выше устья ручья Упэмон, тропа совсем потерялась и нам пришлось выйти на русло речки. Чекуренок перейдя на другой берег по бурунистому перекату обнаружил, что тропа продолжается по тому берегу. Он покричал, показывая жестами, что нужно перейти русло реки. Мы с Димкой «раскатали» голенища болотников готовясь к переходу – перекаат хоть и не глубокий, но при сильном течении вода может захлестнуть сапоги, а переобуваться и выкручивать портянки не хотелось бы. Тем более идти дальше в мокрых сапогах нельзя, переход еще только начался, а собьешь ноги – вовсе ходить в маршруты не сможешь.

Каюр увидев, что Чекуренок машет руками – «мол, за мной» – повернул связку к реке и сходу погнался по перекаату. Посреди русла кони сбились, закрутились, задние обогнали ведущую кобылу, она взбрыкнула, и дядя Федя выпал из седла. Уже не думая о сапогах мы бросились к лошадям на помощь каюру. Упав Федор в воду, лошади могли и затоптать его в панике, но он удержался на ногах, ничего страшного не случилось. Криками, матами лошадей удалось утихомирить, но связка перепуталась. Пришлось развязывать, а иногда и резать намокшие веревки и по одной выводить лошадей на берег. Все же не обошлось без потерь: выпутывая очередную

кобылу Димка резанул не ту веревку и одна из выючных сумин упала в воду. Леонидыч, который оставался со студентами на берегу, подстраховывая нас, увидел кувыркающуюся по перекасту поклажу, выловил ее и с помощью ребят вытащил мокрую суму на берег. То, что вымок спальник не беда – высушим, но в спальнике была завернута рация.

Лошадей вывели на берег, выстроили в связку, перевьючили, подтянули подпруги и двинулись дальше. Еще немного пройдя по Юге-Саху, свернули в небольшой правый приток и поднялись до его верховий. Долина ручья типичная для этого рельефа – плоское каменистое, безлесное днище и делювиальные некрутые склоны, сложенные щебнем алевролитов и песчаников. Подъем к перевалу оказался довольно крутым и начальник принял решение не штурмовать его в ночь, а поставить лагерь под перевалом, сам же пошел в разведку – искать тропу. Пока мы ставили палатки – одну женскую четырехместку, одну мужскую шестиместную, девчонки надергали дикого лука, росшего под склоном по краю терраски, и принялись варить зеленый суп.

К возвращению Сергея Леонидовича быт на стоянке уже налажен: палатки стоят упруго расправив крылья, бутор сложен и укрыт брезентом, конские седла с потниками сушатся у костра, на тагане в ведрах булькает ароматный суп и парит свежесваренный чай. Стреноженные кони невдалеке уныло хрумкают овес, которым их решил подкормить дядя Федя ввиду полного отсутствия травы. Леонидыч нашел довольно приличную баранью тропу, которая ведет к перевалу – решено было завтра пораньше сворачивать лагерь и, поднявшись на перевал, дальше отправить связку с одним спарком к новому месту стоянки на ручье Тирехтях, а двум другим спаркам идти намеченными ранее геологическими маршрутами. Таким образом «убиваем двух зайцев» – и груз доставим, и работу по ходу сделаем. Сопровождать связку будет Димка со студенткой и Чекуренком, Леонидыч со своей студенткой пойдет южнее, а мы со Светкой – по северному водоразделу Тирехтях.

План хороший, но жизнь, как всегда, вносит свои коррективы. Проснувшись, быстренько умылись в ледяной воде ручейка, свернули свои пожитки, сели завтракать. За чаем спросил у девчонок можно ли снимать их палатку? Одна из студенток сказала, что Света себя плохо чувствует – болит живот, – может от вчерашнего зеленого супа.

Начальник, сходя в палатку и поговорив с больной, вынес вердикт: все собираются и двигаются в ранее намеченных направлениях, студентка принимает лекарства и отлеживается, а я выполняю свою часть маршрута и возвращаюсь к стоянке. Завтра каюр вторым рейсом забирает нас. «Приказ командира – закон для подчиненного» – я потащил свой спальник в студенческую палатку. Светка лежала в спальнике с закрытыми глазами. Решив, что она спит я потихоньку вышел, оставив пожитки у входа. Поскольку маршрут предполагался довольно протяженный – планировался в одну сторону, а теперь придется возвращаться – я попросил Леонидыча оставить для связи «Карат» и ушел со стоянки раньше, чем караван двинулся в путь. Уже поднявшись на водораздел, увидел в долине белое пятнышко палатки и цепочку людей и лошадей поднимающихся к перевалу по чуть заметной тропе.

Серые громады гор соединенных в хребты сжали со всех сторон эту узкую долинку и одинокая палатка, сиротливым пятнышком выделявшаяся на фоне серо-зеленого днища долины вызвала во мне чувство щемящей тревоги: насколько малы эти ползущие по склону человечки и насколько амбициозны они в своем желании изучить окружающий мир! А силенок-то хватит?

Пройдя по водоразделу на запад между Правым и Левым Тирехтяхами я «отбил» границы отложений, набросал примерные контуры складок. Чтобы не возвращаться «порожняком», спустился в долину на слиянии ручьев, пообедал и обратным ходом прошел по руслу Правого Тирехтяха, зарисовав коренные выходы пород обнажавшихся в цокольных частях надпойменных террас. На вечерней связи скажу Леонидычу, что прошел здесь маршрутом, потом меньше работы будет. К стоянке подходил уже часа в два ночи, благо – светло, довольно уставший, но в общем-то, довольный проделанной работой. Еще сверху увидел, что вход в палатке

закрыт, около палатки никого нет. Наверное, Светка спит, хотя на нее это не похоже, даже костер не дымится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.